

подобное удовольствие ценилось недорого – «два-три гроша бабе». Если вспомнить описание «двугрошовых» в «Записках из Мертвого дома», то можно сказать, что версия Любови Федоровны относительно «святости» ее отца приложима именно к этой поре. Он провел в омской крепости четыре года: пенитенциарная система не знала еще практики личных свиданий. Да если бы даже они и были, кто бы к нему поехал? да еще – в этакую даль?

Итак, его обуревают предчувствия. Но до их исполнения еще есть время.

Получив разрешение жить вне казармы (но близ нее, под ответственность ротного командира), он за пять рублей в месяц – плата за помещение, стирку и стол – нанимает комнату в довольно убогой, стоящей на отшибе избе, единственным украшением которой можно почесть двух хозяйских дочерей двадцати и шестнадцати лет. Старшая, по сдержанному свидетельству Врангеля, «ухаживала за Ф.М. и, кажется, с любовью шила ему и мыла белье, готовила пищу и была неотлучно при нем. Летом вместе с сестрой она совершенно по-домашнему показывалась перед обоими друзьями «en negligee», то есть в одной рубашке, подпоясанная только красным кушаком, на голую ногу и с платочком на шее». Мемуарист не скрывает, что мать сестер, вдова-солдатка, «открыто эксплуатировала молодость и красоту дочерей». Когда Достоевский упрекнул ее в этом, особенно напирая на печальную участь очень красивой младшей, старуха ответствовала в том смысле, что дочь «все равно сошлась бы со временем с батальонным писарем или унтером за два пряника аль фунт орехов, а с вами, господами, и фортель, и честь!» Нравы в Сибири были просты.

Дождь на стеклах искажает лица
Двух сестер, сидящих у окна.
Переформировка длится, длится,
Никогда не кончится она –

– это, разумеется, о другом, но тема – вечна.

Врангель не называет имен. Зато мы знаем, как звали двух других женщин, которые пользовались расположением Достоевского.

Первая – это 16-17-летняя Марина Ордынская, обладающая эффектной наружностью блондинка, дочь ссыльного поляка, который, овдовев, женился на собственной кухарке. Дочь, как Золушка, пребывала в небрежении и затрапезе. Достоевский – кстати, по просьбе М.Д. Исаевой, в чьем доме он знакомится с Мариной, – усердно занимается умственным развитием полячки-сибирячки. Повзрослев и похорошев, но не вооружась при этом скромностью, она «очень оживляла» Казаков сад – дачу, нанимаемую Врангелем, где летом обитал также и Достоевский и где, между прочим, присутствовали упомянутые выше дочери его квартирной хозяйки, помогавшие друзьям наладить их холостяцкий быт. Марина «бегала, усиленно кокетничала и задорно заигрывала со своим учителем». Трудно сказать, остался ли наставник холоден к стараниям ученицы. (Местный краевед Б. Герасимов простодушно сообщает, что Достоевский, подружившись с отцом Марины, «иногда оставался у него для своих занятий и даже на ночь». Неприязнь его к полякам не распространялась на их дочерей.) По признанию Врангеля, он безуспешно пытался с помощью Марины отвлечь своего друга от предмета его «роковой страсти» – М.Д. Исаевой, отъехавшей в Кузнецк. Интересно, что протеже Марии Дмитриевны позднее «не раз служила причиной ревности и раздора» между супругами.

С другой претенденткой на сердце рядового 7-го Сибирского линейного батальона дело обстоит сложнее. Известия об ее отношениях с Достоевским дошли до нас не совсем обычным путем.

В 1909 г. сибирский литератор Н.В. Феоктистов знакомится в Семипалатинске с местной уроженкой, 72-летней Елизаветой Михайловной Неворотовой. То, о чем было поведано ему новой знакомой, он предал огласке только после ее смерти, в 1928 г., в журнале «Сибирские огни».